Брюханова Юлия Михайловна

ТВОРЧЕСТВО Б. ПАСТЕРНАКА КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЕРСИЯ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре новейшей русской литературы ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор

Плеханова Ирина Иннокентьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор

Шатин Юрий Васильевич

кандидат филологических наук, доцент

Рыбальченко Татьяна Леонидовна

Ведущая организация: кафедра русской и зарубежной литературы

ГОУ ВПО «Пермский государственный

педагогический университет»

Защита состоится « 17 » февраля 2010 г. в 10 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Автореферат разослан « 17 » декабря 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета кандидат филологических наук, профессор

Л.А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Вопрос соотнесения художественного мировоззрения Бориса Пастернака с определёнными философскими течениями — один из самых насущных в пастернаковедении. И это не случайно, поскольку осмысление мира Пастернаком и его восприятие жизни приобретают черты самостоятельной философско-эстетической системы. Раскрытие бытийного содержания жизни составляет сюжет всего его творчества.

Как правило, говоря о философских основах творчества Пастернака, раннему исследователи обращаются К периоду его жизни, философией, Γ. профессиональным занятиям обучению y Ho непосредственно с неокантианством, представителем которого являлся Коген, творчество Пастернака не связывают. В работах, посвящённых изучению жизни и творчества поэта, указывается на истоки его философского мировоззрения в феноменологии, экзистенциализме, религиозной философии С.Н. Трубецкого, символизме, ницшеанстве и т.д.

Примечательно, что для разных доводов приводятся почти одни и те же аргументы. Многие авторы ссылаются на автобиографическую повесть Пастернака «Охранная грамота» (1931), в которой поэт сам обозначил свои «занятья философией». При этом, говоря о философской «насыщенности» произведений Пастернака, прежде всего имеют в виду ранний период его творчества. Что касается поздних убеждений поэта, они связываются чаще всего с христианским миропониманием.

Несмотря на многообразие существующих работ, до сих пор не выработано системного представления о мировоззрении Пастернака, поэтому необходимо связать важнейшие аспекты, сформировавшие его художественную философию, воедино.

Установка на принятие жизни во всех её проявлениях, стремление к единства И целостности бытия, эмоционально-чувственное переживание духовных откровений – все эти особенности восприятия и мышления, на которые неоднократно указывали исследователи творчества Пастернака, позволяют нам соотнести его эстетико-философское сознание с философией жизни, выразителями которой были А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Бергсон и др. Это иррационалистическое философское течение конца XIX – начала XX века выдвигало в качестве исходного понятия «жизнь» как некую постигаемую целостную реальность. Идея центральной и для Пастернака, о чем свидетельствуют названия ключевых произведений: «Сестра моя – жизнь», «Доктор Живаго».

Гипотеза, на которой построено диссертационное исследование, состоит в утверждении, что поэтическая философия Пастернака — это самобытная творческая версия философии жизни. Философия жизни в контексте нашего исследования понимается не просто как направление философской мысли, но и как образ поэтической рефлексии на мировоззренческие темы (вопросы бытия, связи человека и мира, принципов познания, отношений исторического и бытийного времени, этики и эстетики).

Актуальность выбранной темы обусловлена стремлением найти общую формулу философско-эстетического мировоззрения Бориса Пастернака. Поставленная проблема играет немаловажную роль не только в рамках постижения творчества Пастернака, но и в аспекте изучения всего русского литературного процесса XX века.

Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть художественную философию Бориса Пастернака и доказать ее родство с положениями философии жизни, проанализировать особенности развития мировоззрения поэта и его реализации в произведениях.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- 1. Обосновать соотнесение мировоззренческой позиции Б. Пастернака с положениями философии жизни, сформулировав основные аспекты его философии (онтологический, гносеологический, аксиологический) на основе анализа художественных текстов.
- 2. Выявить отношения философии жизни Б. Пастернака с социальными идеями эпохи и изменения в философской и нравственной оценке революции в связи с развитием христианских взглядов.
- 3. Раскрыть содержание идеи бессмертия у Б. Пастернака и её развитие как синтез философии жизни и христианства.
- 4. Проанализировать образ воплощения философии в лирике и лиро-эпосе, то есть рассмотреть отражение миропонимания в идиостиле писателя, в частности, в субъектных формах лирического высказывания и метафорической образности.
- 5. Продемонстрировать формотворческий потенциал философии жизни на примере композиционной, смысловой и художественной целостности романа «Доктор Живаго» его прозаической и стихотворной частей.

Предмет исследования — творчество Б. Пастернака как целостная и развивающаяся философско-эстетическая система.

Объектом исследования являются ключевые художественные произведения поэта: лирические книги «Сестра моя – жизнь. Лето 1917 года» (1922) и «Второе рождение» (1930-1932), лиро-эпические поэмы «Девятьсот

пятый год» и «Лейтенант Шмидт» (1925-1927), роман «Доктор Живаго» (1945-1955) — а также лирико-эссеистская и мемуарная проза («Повесть», 1929; «Охранная грамота», 1931; «Люди и положения», 1956-1957), очерки, статьи, переписка Пастернака и другие документальные источники.

Методология исследования опирается на принципы герменевтики и концепцию идиостиля. Сравнительный анализ художественного воплощения мировоззренческих идей Пастернака в разных текстах затронул культурологические, философские и лингвистические стороны изучаемой проблемы.

Герменевтика реализована и как методология интерпретации текста (теоретическая герменевтика), и как философская онтология, ключевым моментом которой выступает понимание как форма данности мира человеку (философская герменевтика).

Идиостиль как структура взаимозависимостей идей и их языкового выражения в своем развитии позволяет обнаружить индивидуальный образный шифр (код) творческой личности, который во многом задан генетически и зависит от способа мышления данной личности. Можно сказать, что идиостиль — это философия поэта, воплощенная в художественных образах, поэтому проблему языкового выражения мировоззрения Пастернака невозможно рассматривать без обращения к его идиостилю.

Теоретически и методологически диссертация опирается на труды и работы С.Н. Бройтмана, Р. Якобсона, В. Альфонсова, Л.А. Озерова, Б.О. Кормана, Н.А. Фатеевой, И.П. Смирнова, Л. Флейшмана, М.Л. Гаспарова, А.К. Жолковского, Ю.М. Лотмана, А.Г. Кутлунина и др. Привлекаются философские, культурологические исследования Г.Г. Гадамера, А. Бергсона, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, М. Мамардашвили, А. Пятигорского и др.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1. Философия жизни определила системное единство творчества Бориса Пастернака при меняющемся образе художественного высказывания поэта.
- 2. Философия жизни Б. Пастернака поэтическое запечатление синкретического духовно-интеллектуального переживания-познания, открывающего со-бытие мироздания, природы, истории и личности в перспективе творческого развития.
- 3. Художественная концепция Б. Пастернака самобытная версия европейского философского течения (философии жизни), стремящегося дать универсальную энергийную формулу мирового процесса.
- 4. Синтез историософии, религии, нравственных и художественных идей в творчестве поэта универсализировал концепцию жизни как общего

бессмертия единого мира и личного бессмертия человека, переживаемого здесь и сейчас.

- 5. Понимание жизни как бессмертия обусловило соединение амбивалентного и абсолютного в аксиологии и этике Б. Пастернака.
- 6. Целостность художественного воплощения философии жизни Пастернака нашла свое выражение в метафорическом идиостиле (лирика) и концептуализации жанра «книги» (книги стихов и роман «Доктор Живаго»).
- 7. Самобытная философско-поэтическая система Б. Пастернака типологически связана с русской философией всеединства.

Научная новизна исследования заключается в системном анализе художественной философии поэта. Увлечение Пастернака философией не связывается только с ранним этапом его творчества, его философско-эстетическая мысль раскрывается в преемственности, несмотря на все изменения образа художественного высказывания.

Практическая значимость работы. Проведенное исследование позволит расширить представления о концептуальности художественного мышления и содержания творчества Бориса Пастернака и послужит основой для дальнейших разысканий. Результаты работы могут быть использованы в педагогической деятельности (в общих курсах по истории русской литературы XX века, при разработке спецкурсов и спецсеминаров по творчеству Б. Пастернака в вузовском и школьном преподавании).

Апробация работы. Результаты исследования были апробированы на конференциях научно-практических «Студент технический прогресс», проводимых на факультете филологии и журналистики ИГУ (Иркутск, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008); XLVI Международной научной конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, НГУ, 2008); Международной научной конференции «Современность в зеркале рефлексии: язык – культура – образование» (Иркутск, ИГУ, 2008); III Международной конференции «Феномен творческой личности в культуре. Фатющенковские чтения» (Москва, МГУ, 2008); IV Slavistischen Studentenkonferenz (Германия, Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, 2009).

По теме диссертации имеется 10 публикаций.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, насчитывающего 220 наименований. Общий объем диссертации – 242 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются цель и задачи работы, её методологические основания, научная новизна и практическая значимость, дается история вопроса, приводятся положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Поэтическая онтология Б. Пастернака в свете философии жизни» рассматривается философия жизни (далее — $\Phi \mathcal{K}$) как течение европейской мысли, обозначаются те ключевые аспекты, по которым выстраивается дальнейший сравнительный анализ $\Phi \mathcal{K}$ и художественного мировоззрения Б. Пастернака. Особое внимание в главе уделено онтологическому аспекту философской позиции Пастернака, художественное воплощение которого раскрывается на примере анализа книги стихов «Сестра моя — жизнь. Лето 1917 года» и цикла «Второе рождение».

В параграфе первом «Основания соотнесения мировоззренческой позиции Б. Пастернака с принципами философии жизни» обозначаются ключевые положения течения ФЖ, предпосылки его возникновения, указывается значимость этой философии в культурно-историческом контексте своего времени. Выясняется, какое влияние могли оказать идеи ФЖ на формирование мировоззрения Пастернака и его творческое развитие.

ФЖ – философское течение последней трети XIX в. – первой трети XX в. (Ф. Ницше, А. Бергсон, В. Дильтей, Г. Зиммель, О. Шпенглер и др.). Его онтологию и гносеологию во многом предопределила концепция мира как воли и представления А. Шопенгауэра. О знакомстве Б. Пастернака с основными положениями этого течения свидетельствуют его статьи («Черный бокал», 1915, и др.), переписка, круг чтения (увлечение идеями Ницше и т.д.).

Главный концепт ФЖ (что обозначено уже в названии) – это жизнь. Единого определения «жизни» не существует, но есть система характеристик: это органическая целостность мира (онтология); это интуитивно постигаемая это творческая динамика бытия (эстетическое сущность (гносеология); выражение). Жизнь стихийное, естественное, всеобщее начало, пронизывающее стороны все бытия И неподвластное рациональному объяснению и этической оценке. В одном ряду с концепциями ФЖ выстраивается художественно-философское миропонимание Б. Пастернака, чьё восприятие жизни полностью им соответствует. Для него доминирующей становится творческая характеристика жизни. Уже в самом начале пути потребность включиться в могучее общее движение заявлена как творческий выбор: «Я – свет. Я тем и знаменит, // Что сам бросаю тень. // Я – жизнь

земли, её зеним, // Её начальный день» («Когда за лиры лабиринт...», 1913, 1928). Утверждение жизни как главной темы творчества Пастернака стало предпосылкой рассмотрения художественной системы поэта в связи с ФЖ.

Второй параграф «Ключевой концепт философии жизни: воля (А. Шопенгауэр) — воля к власти (Ф. Ницше) — жизненный порыв (А. Бергсон) — сила (Б. Пастернак)» посвящен анализу и сопоставлению важнейших онтологических категорий. Одним из определяющих свойств жизни, с точки зрения ФЖ, является стихийность. Это понятие тесно связано с представлением о некоем энергетически субстанциальном начале, которое лежит в основе бытия: мировая воля (А. Шопенгауэр), воля к власти (Ф. Ницше), жизненный порыв (А. Бергсон), сила (Б. Пастернак) и др.

Понятие «силы» наиболее отчётливо формулируется Пастернаком в «Охранной грамоте» (1931): «Искусство интересуется жизнью *при прохожденьи* сквозь нее луча силового» Это философская, бытийная категория, это условие реализации жизненного потенциала, творческое, преобразующее начало, проявление энергии вечного движения. Творческий потенциал искусства для поэта тождественен жизненному потенциалу.

Сила — условие единства мира. Таким объединяющим свойством обладают воля, воля к власти, жизненный порыв, душа и другие воплощения жизненной энергии. В понимании Шопенгауэра любая вещь, любой человек, любое явление — это суть одно и то же, проявление одной бытийной воли. У Пастернака энергия жизни пронизывает все стороны бытия и являет себя во всём, от самого малого до самого великого: «Вот луч, покатясь с паутины, залёг // В крапиве, но кажется, это ненадолго, // И миг недалёк, как его уголёк // В кустах разожжётся и выдует радугу» («После дождя», 1915, 1928).

Силу как энергию жизни человек не способен осознать, так как она не поддаётся рациональному объяснению, но ему дано ощутить причастность к общему бытию через чувства, сильнейшим из которых является любовь — начало объединяющее: «И сады, и пруды, и ограды, // И кипящее белыми воплями // Мирозданье — лишь страсти разряды, // Человеческим сердцем накопленной» («Определение творчества», 1917). Отдаваясь силе, вслушиваясь в её голос («ночам соловьём обладать»), поэт прозревает всеобщую устремлённость к жизни: «Но чем его песня полней, // Тем полночь над песней просторней. // Тем глубже отдача корней, // Когда она бьётся об корни» («Эхо», 1915).

_

¹ Пастернак Б. Л. Охранная грамота // Б. Л. Пастернак Полн. собр. соч. : в 11 т. – М., 2004. – Т. 3. – С. 186.

Сила, присущая всему, в большей степени проявляется в Природе, Боге и Поэте, то есть в том, что напрямую связано с творчеством как преображением, созданием жизни.

Понятие силы особенно ярко воплощается в книге стихов «Сестра моя — жизнь. Лето 1917 года», анализу которой посвящен третий параграф «Поэтическое воплощение философии Б. Пастернака в ранней лирике. «Сестра моя — жизнь. Лето 1917 года».

«Сестра моя — жизнь» рассматривается как книга переживания-откровения и как процесс осознания-творения этого переживания в слове. Лирический сюжет книги — узнавание жизни как откровение любви: «...Когда любит поэт, // Влюбляется бог неприкаянный. // И хаос опять выползает на свет, // Как во времена ископаемых» («Любимая — жуть! Когда любит поэт...»). Истинный мир для Поэта — тот, который творится, то есть переживается каждый раз заново. Находя свое выражение в чувствах человека, жизненная сила побуждает его к творчеству. Угасание любви ведёт к угасанию творческого порыва и, как следствие, к забвению созданного поэтом мира. «Наяву ли всё?» — спрашивает лирический герой в последнем стихотворении «Конец». Созданный мир длится столько, сколько длится чувство, то есть действует сила.

Поэт-творец в своей силе равновелик Богу-творцу. Бог в книге — это сочетание условно христианского Бога: евангельское «Бог есть любовь» и образ «Всесильного Бога любви» («Давай ронять слова...») — и пантеистического божества, растворившегося в Природе: «Просит роща верить: мир всегда таков. // Так задуман чащей, так внушён поляне, // Так на нас, на ситцы пролит с облаков» («Воробьёвы горы»). Бог Пастернака — это прежде всего Творец, Ремесленник, отделывающий подробности жизни каждое мгновение: «Кому ничто не мелко, // Кто погружен в отделку // Кленового листа // И с дней Экклезиаста // Не покидал поста // За теской алебастра» («Давай ронять слова...»). Сотворение мира не закончилось, и поэт (человек творящий, поскольку переживающий жизнь) становится равноправным помощником Бога.

Ключевые темы книги «Сестра моя – жизнь» – творчество, любовь, время, так как именно в них проявляется единая, всеохватная, вечная жизнь, открывающаяся в запечатлённой длительности – неиссякающей стремительности настоящего. Эти понятия, органичные для любой поэтической экзистенции, осознаются Пастернаком как онтологические и становятся основой его философии жизни. В стихах поэт выразил и свою онтологию (слияние с грандиозной жизнью в ее подробностях, родство с ней в общем

процессе существования), и гносеологию (познание мира через сопереживание), и эстетику (со-творчество Поэта, Бога и Природы).

Четвёртый параграф «Второе рождение» Б. Пастернака: развитие идеи жизни в начале 30-х годов» раскрывает преемственность философии жизни Б. Пастернака в лирике советского периода. В цикле «Второе рождение» (1930-1932) жизненная *сила* воспринимается ещё и как отражение социального процесса. Но по-прежнему темы любви, времени, творчества связаны переживанием, сильнейшее из которых – любовь – наделяет поэта творческой силой и включает его в единый, не знающий разрывов поток жизни: *«Но он был любим. Ничего // Не может пропасть. Еще мене – // Семья и талант. От него // Остались броски сочинений»* («Еще не умолкнул упрек...», 1931). Силачувство позволяет ощутить всеединство в настоящем и, как следствие, скромное «вседневное наше бессмертье» – новый поворот темы жизни.

В ранней книге «Сестра моя – жизнь» бессмертие – не вечная жизнь одного человека, а ощущение стихии, слиянности всех жизней в одной, острое переживание мига, равнозначного вечности. Смерть здесь – это не прекращение существования, а погружение в «бассейн вселенной» («Уроки английского»). В лирике 30-х годов акцентируется естественность творческой природы бессмертия. Не случайно Пастернак ищет другие способы выражения знания о связующее «Второе рождение» звено между метафоризмом раннего Пастернака и «неслыханной простотой» позднего «Простота» – это органичность, свобода от 1931). постороннего, очищение откровений жизни от словесной «шелухи»: «Легко проснуться и прозреть, // Словесный сор из сердца вытрясть // И жить, не засоряясь впредь. // Всё это – не большая хитрость» («Любить иных – тяжелый крест...», 1931).

Глава вторая «Гносеология Б. Пастернака: познание как открытие единства жизни» выявляет гносеологическое содержание художественной концепции поэта (прежде всего в сравнении с идеями А. Бергсона). Кроме того, в данной главе предпринята попытка дать концептуальные характеристики метафорической образности Пастернака и его лирического субъекта сознания.

В первом параграфе «Гносеология философии жизни. Общие положения» представлены основы познавательной системы ФЖ: приоритет внерациональных способов (интуиции, понимания, вживания...) над рациональными, умение проникать в жизнь, интерпретировать и творить мир. Интуитивно-познавательный метод опирался на оппозицию «понимание» – «объяснение»: объяснить жизнь нельзя, её можно лишь понять посредством чувств. Пастернак стремился не к объяснению мира, жизни, а к слиянию с ней,

к родству («сестра») и узнаванию: «Не знаю, решена ль // Загадка зги загробной, // Но жизнь, как тишина // Осенняя, — подробна» («Давай ронять слова...», 1917). Поэт вовсе не отвергал рациональные стороны познавательной деятельности, для него все способы освоения действительности были равноправны: «Люблю и думаю и знаю» («Пока мы по Кавказу лазаем...», 1931). Чувство и осмысление (иррациональный и рациональный компоненты) при доминировании первого дают поэту знание о мире.

Во втором параграфе «Жизнестроительная функция творчествапознания в философии жизни» рассмотрены творческая интуиция и познавательная роль искусства в восприятии ФЖ и Пастернака. Понятие гносеология «чувственная» соответствуют лирическому «силы» мировосприятию (и искусству вообще), которое так же пытается охватить жизнь в её целостности, как «влеченье, сила и захват» («Все наклоненья и залоги...», 1936). В художественно-философской системе Пастернака, как и в ФЖ в целом, не ставится задача найти абсолютную истину в виде концепции, оценки, идеи. Истина заключается в образе творческой реализации: в приобщении к энергии, в отождествлении себя с ней через сопричастность бытийным процессам, времени и существованию других людей, то есть в постижении и воплощении всеединства и всеотзывчивости: «Перегородок тонкорёбрость // Пройду насквозь, пройду, как свет. // Пройду, как образ входит в образ // И как предмет сечёт предмет» («Волны», 1931).

Третий параграф «Б. Пастернак и А. Бергсон: истина, инстинкт и **интуиция**» посвящён сопоставлению идей Б. Пастернака и А. Бергсона, наиболее последовательно разрабатывавшего теорию интуитивизма в ФЖ. В гносеологической системе Пастернака интуиция как непосредственное постижение истины жизни соединяется с инстинктом как непосредственным повиновением воле жизни: «Шагни, и ещё раз», – твердил мне инстинкт, // И вёл меня мудро, как старый схоластик, // Чрез девственный, непроходимый тростник // Нагретых деревьев, сирени и страсти» («Марбург», 1916, 1928); «это и есть <...> интуиция <...> цельное, разом охватывающее картину познание» 1. Выявленные параллели во взглядах Пастернака и Бергсона свидетельствуют о том, что восприятие идей ФЖ поэтом – это образная, творческая интерпретация философской мысли.

В четвёртом параграфе «Концепция метафорической образности Б. Пастернака» исследуется природа метафорического мышления Пастернака, для которого метафора является центральным концептом художественного познания.

¹ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Б. Л. Пастернак Полн. собр. соч. : в 11 т. – М., 2004. – Т. 4. – С. 404.

В общем виде существующие концепции метафоры можно разделить на языковые, рассматривающие метафору в первую очередь как языковое явление (Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова и др.), и онтологические, видящие её как основу построения и восприятия окружающего мира, как художественную идеологию (П. Рикёр, Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет и др.). При рассмотрении идиостиля Б. Пастернака задействуются обе концепции метафоры, но приоритетной стала онтологическая трактовка. Она менее разработана и в отношении творчества Пастернака почти не рассматривалась, но именно онтологическая интерпретация метафорического мышления позволяет раскрыть творческую реализацию ФЖ.

На основании анализа стихотворных текстов Пастернака и изучения исследований, посвященных творчеству поэта, были сделаны следующие выводы: 1) художественно-выразительная система Пастернака подчинена метонимическому принципу; 2) данный принцип синтезирует различные тропы и фигуры речи (с формальной стороны) и является условием выражения познавательных установок лирического субъекта; 3) метонимия как троп в поэзии и прозе Пастернака подчиняет себе метафору (в количественном отношении), но метонимический принцип выражается прежде всего не в метонимии, а в метафоре, имеющей онтологическое значение. Метафора для Пастернака не просто художественный прием, а средство познания мира, проявленность онтологической сущности бытия (силы) и, как следствие, доказательство всеединства жизненного процесса. Сила как проявление стихии жизни, отражаясь в каждом предмете, в каждом существе, является той «смежностью», на основании которой отождествляются объекты – понятийные компоненты метафоры. Этим объясняется метонимическое понимание мира у Пастернака, отмеченное прежде всех Р. Якобсоном.

Для Пастернака реальность имеет свой «язык», который не дан простому человеку в вольное распоряжение, а потому непонятен ему. «Звеня на всю лесную падь // И оглашая лесосеку, // Он что-то хочет рассказать // Почти словами человека», — говорит поэт о ручье («Тишина», 1957). Поэт призван «перевести» язык жизни. Значимой оказывается не только метафорическая природа человеческого мышления, но и метафорическая природа самой жизни. Метафора рождается в природе, она неотъемлемая часть бытия, а потому, познавая метафору, овладевая ею, можно глубже проникать в действительный мир. Но напрямую это сделать невозможно, человек действует посредством языка и использует метафоры как языковые и поэтические средства (из которых вторые более приближены к онтологическим метафорам). Метафора в двух различных аспектах — бытийного (природного) процесса и человеческого

мышления — не может рассматриваться как одно и то же понятие. В некотором роде их можно соотнести как кантовскую «вещь в себе» и её интуитивное отображение в реальном мире: «Самые поразительные открытия производились, когда переполнявшее художника содержание не давало ему времени задуматься и второпях он говорил свое новое слово на старом языке, не разобрав, стар он или нов» Поэтически-онтологическая метафора Пастернака является связующим звеном между человеком и миром: «Завтра, завтра понять я вам дам, // Как рвались из ворот мостовые, // Вылетая по жарким следам» («Вдохновенье», 1921).

Таким образом, главная цель поэта — понять мир и передать другим то, что удалось понять. И отмеченный не раз переход позднего Пастернака к «неслыханной простоте», отказу от особой метафоричности, к употреблению прозаизмов — лишь попытка «сократить» дистанцию в этом концептуальном переходе «бытие — метафора — человек». Стремясь к «простоте», поэт пытается передать бытийную метафору, реже прибегая к метафоре языковой, то есть действуя как бы «напрямую». Сложные метафорические образы раннего творчества Пастернака сменяются нередко прямым называнием предметов и явлений в позднем. Например, музыкальная импровизация («Импровизация», 1915) выстраивается как поток звуковых метафорических ассоциаций («Я клавишей стаю кормил с руки // Под хлопанье крыльев, плеск и клёкот»), а в стихотворении «Музыка» (1956) передается перечислением воссоздаваемых музыкой образов: «Раскат импровизаций нёс // Ночь, пламя, гром пожарных бочек, // Бульвар под ливнем, стук колёс, // Жизнь улиц, участь одиночек».

Метафора Пастернака – художественное отражение его философии жизни, поскольку обладает: 1) онтологическим основанием (метафора рождается в природе); 2) гносеологическим потенциалом (метафора выражает знание о единстве мира); 3) синтезирующей функцией (метафора является формулой объединения самых разных объектов и явлений); 4) иррациональным характером («непредсказуемость» метафоры с точки зрения логического мышления); 5) творческим потенциалом (метафора как художественное выражение созидающего начала). Метафора для Пастернака одновременно символ силы и сама сила. Сила находит свое воплощение и самосознание в метафоре, как «образ мира, в слове явленный...» («Август», 1953), она «материализуется» в ней как ощутимая связь антиномий: «Достигнутого торжества // Игра и мука – // Натянутая тетива // Тугого лука» («Во всем мне хочется дойти...», 1956).

¹ Пастернак Б. Л. Люди и положения // Б. Л. Пастернак Полн. собр. соч. : в 11 т. – М., 2004. – Т. 3. – С. 306.

Пятый параграф «Концептуализация лирического субъекта в творчестве Б. Пастернака» рассматривает образ сознания, переживающего единство мира. Так как для Пастернака основой познавательного процесса являются чувства и переживания — категории субъективные, то картина мира и понимание этого мира становятся наиболее зависимыми от субъекта восприятия. Особый тип субъекта сознания в лирике Пастернака разрешает гносеологическое противоречие — невозможность объективного познания мира без отчуждения и императив познания мира изнутри (принадлежа жизни).

В параграфе проанализированы разные типы субъектной организации лирического высказывания (концепции Б.О. Кормана и С.Н. Бройтмана), изучен опыт идентификации субъектной системы Пастернака (Р. Якобсон, Ф. Тун, М. Цветаева и др.). На основании этого сделан вывод, что в поэзии Пастернака доминирует лирическое «я», которое представлено как лирическое «я» Поэта. Этот субъект сознания имеет дуалистическую природу, выражающуюся в нераздельности/неслиянности авторской субъективности и сверхсубъективного сознания: «Мне страшно этого субъекта, // Но одному ему вдогад, // Зачем, ненаречённый некто, — // Я где-то взят им напрокат» («Встав из грохочущего ромба», 1913, 1928).

Лирическое «я» Пастернака – это прежде всего инструмент высказывания поэта, которому открываются законы миропорядка: «O, если бы я только мог // Хотя отчасти, // Я написал бы восемь строк // O свойствах страсти < ... > Явывел бы её закон, // Её начало, // И повторял её имен // Инициалы» («Во всём мне хочется дойти...», 1956). Поэт, ощущая причастность к миру и тесную взаимосвязь со всем окружающим, уже несёт в себе определённый потенциал знания. Но он стремится познать мир ещё глубже. И тогда лирический субъект превращается в свой объект, а точнее, включается в сферу изучаемого объекта, субъектно-объектные связи стираются: «От тела отдельную жизнь, и длинней // Ведёт, как к груди непричастный пингвин, // Бескрылая кофта больного – фланель: // То каплю тепла ей, то лампу придвинь» («Фуфайка больного», 1918-1919). «Растворение» поэта В окружающем парадоксально трактуется как «самоустранение» лирического субъекта в лирике Пастернака (Р. Якобсон, Ф. Тун, J. Uzarevic и др.).

Субъект лирики Пастернака не может быть погружен исключительно в свои переживания в отрыве от окружающего мира. Даже в объяснении с любимой причину любовной драмы он ищет в особом «поведении» солнца, вечера, лета и т.д.: «Нет, не я вам печаль причинил. // Я не стоил забвения родины. // Это солнце горело на каплях чернил, // Как в кистях запылённой смородины» («Послесловье», 1917). Лирическое «я» Поэта при внешней

«пассивности» оказывается охваченным активной созидательной деятельностью, заключающейся в раскрытии единства этого мира: «Я — уст безвестных разговор, // Как слух, подхвачен городами; // Ко мне, что к стёртой анаграмме, // Подносит утро луч в упор» («Лесное», 1913). Таким образом, Поэт в философии Пастернака — интегрирующий голос самой жизни. Он исполняет своё призвание творца и посредника: «Я просыпаюсь. Я объят // Открывшимся. Я на учёте» («Вторая баллада», 1930). Субъектно-объектной двойственности познающего сознания соответствует синкретизм метафоры — такова системная связь элементов поэтической гносеологии.

Третья глава «Историософия Б. Пастернака в лиро-эпосе 20-х годов. Корреляция аксиологии и этики» заключает в себе сопоставление позиций Ф. Ницше и Б. Пастернака по вопросу телеологии истории и связанных с ним этических и аксиологических оценок.

Бытийное переживание жизни в конкретных обстоятельствах выстраивает соответствующую ценностную структуру и иерархию смыслов. Первый параграф «Свобода как сверхценность и её содержание (Б. Пастернак и Ф. Ницше)» раскрывает, как витальность (само по себе благо) реализуется через свободу, в которой воплощается любовь и стремление к истине, к совершенству, к исполнению призвания.

На основе сопоставления идеи свободы в социальном, нравственном, духовном аспектах у Пастернака и Ницше выявляется система жизненных ценностей поэта, их отношение с этикой и доказывается, что Пастернаку удалось разрешить противоречие между волей к жизни, волей к власти (Ницше) и христианской волей любви. Суть противоречий, которые находил Пастернак в философии Ницше, не столько в морально-ценностном решении вопроса, сколько в понимании телеологии и преемственности истории, т.е. в процессе осуществления / воплощения христианства в жизни человечества.

Рассмотрение ценностной иерархии понятий «жизнь» — «история» — «христианство» у Пастернака и Ницше выявило, что разногласия главным образом касаются определения направления истории (линейность восхождения у Пастернака и «круг» возвращений у Ницше), а также её метафизического содержания (свободного созидающего характера — у Пастернака, разрушающегося — у Ницше). Кроме того, если у Ницше художник-творец становится на место Бога, но ему мешает творить история (как концентрация памяти всего ставшего и становящегося), то у Пастернака, напротив, художник-творец, как и Бог-творец, обладает энергией силы (= вдохновение, витальная энергия или время), и его созидание протекает в контексте истории: «Не спи, не

спи, художник, // Не предавайся сну. // Ты – вечности заложник // У времени в плену» («Ночь», 1956).

Витальность как реализуемое бессмертие неизбежно сталкивается с историческими обстоятельствами, возникает драма личного и общего существования. Поэтому содержанием историософии, с позиций философии жизни Пастернака, является трагедия общей судьбы народа и поэта. Постижение сущности трагедии совершается во взаимодействии аксиологии и этики, которые не тождественны друг другу, а взаимосвязаны как бытийное и историческое. Эти вопросы поднимаются во втором параграфе «Осмысление революции: философское оправдание или нравственное осуждение?»

Формирование нравственно-философской оценки революции происходило у поэта в течение всей жизни. Он прошёл путь от влюблённости в революцию как чудо жизни (книга «Сестра моя — жизнь», 1917) через её нравственное отрицание (стихотворение «Русская революция», 1918) и эстетико-философское оправдание (в поэмах двадцатых годов) к окончательному нравственно-бытийному отторжению в романе «Доктор Живаго» (1945-1955).

В поэмах 1925-1927 гг. «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт» Пастернак стремился дать жизненное, т.е. философско-поэтическое оправдание революции. Личностная трактовка исторического времени в них возобладала над эпической отстранённостью. В этом проявляется драма поэта: будучи преданным своему образу миропонимания, он не мог отчуждаться от c обеспечивалось социального процесса, единство которым регламентированными требованиями системы. Для Пастернака невозможным принятие такого «псевдожизненного» единства, и он искал формулу. Для него революция – это не просто стихия, собственную равносильная природной. Это стихия, существующая во времени, она обладает исторической преемственностью, собственной волей и подчиняется своим законам, которые не может понять человек, а потому для него она иррациональное проявление бытийной силы: «Всё кончилось. Настала ночь. По Киеву // Пронёсся мрак, швыряя ставень в ставень. // И хлынул дождь. И как во дни Батыевы, // Ушедший день стал странно стародавен» («Лейтенант Шмидт»). Такая революция не выше, а вне нравственных оценок.

В момент написания поэм у поэта преобладало ницшеанское понимание жизни и революции как очистительной силы, оставляющей на плаву лишь самых сильных и достойных людей. Но сильных не за счёт других, что является «нормой» в ницшеанской философии, а согласно христианскому пониманию. «Я жил и отдал душу свою за други своя», — говорит лейтенант Шмидт. Тема героической жертвы и идея трагической «свободной предопределённости»

жизненного пути — ключ к аксиологии зрелого Пастернака. Принесение себя в жертву как осознанное исполнение жизненного и творческого предназначения, включённость в бытийно-историческую перспективу — эти характеристики лейтенанта Шмидта легли в основу образов Юрия Живаго и Христа (из «Стихотворений Юрия Живаго»). Шмидт как сверхчеловек христианского подвига стал предтечей типологического ряда.

Первая русская революция, описанная Пастернаком в поэмах, характеризуется как: 1) объединяющее начало (единение судеб в истории), 2) проявление амбивалентной стихийной природы (образы моря, огня, цветовая символика и др.), 3) воплощение воли к творчеству (преобразование мира), 4) жертва — «Жанна д'Арк из сибирских колодниц, // Каторжанка в вождях...» («Девятьсот пятый год»). Революция как воплощение стихии, заряженной жизненной силой и энергией, находилась вне нравственных оценок. В 20-е годы революция отождествлялась поэтом со всепобеждающим временем — одной из сил бытия — а время было ценностно переживаемой стихией.

Акцент на бессмертии у позднего Пастернака поставил под сомнение правоту «социального», исторического времени и революции вместе с ним. Теперь имманентное содержание бытийного времени составляет воля к бессмертию, которая является аксиологической доминантой личного и общего существования. Юрий Живаго осознает противостояние революции и жизни и уже не в силах оправдать революцию ни нравственно, ни социально, ни философски.

Четвертая глава диссертации «Воплощение философии жизни в романе «Доктор Живаго» представляет собой анализ романа Пастернака, в котором воплотились творческие, нравственные, историософские взгляды художника. Рассматривается идейный и художественный строй романа в его единстве и обусловленность этого единства ФЖ.

создавала онтологическую картину мира вне божественного присутствия (в каноническом представлении), но во власти жизненного начала. Пастернак на раннем этапе тоже выстраивал свое художественно-философское мировоззрение религиозного обоснования, вне но, следуя сверхчеловеческого как самопреодоления, он обращается к христианскому завету любви ко всему миру. Соединение философии жизни с христианством a переосмысленным) выльется в самостоятельную (не каноническим, историософскую концепцию романа «Доктор Живаго». Мы рассматриваем этот роман прежде всего как книгу о бессмертии. Формулировке концепции бессмертия посвящён первый параграф «Идея бессмертия в контексте реальной истории».

Пастернак утверждает телеологическое содержание истории освящённость её заветами христианства. Но в христианском миропонимании он выделяет те моменты, которые наиболее близки его философии жизни: любовь (чувство), свободу духа и понимание жизни как жертвы. Испытание историей является «предпосылкой» бессмертия. Судьба всех героев романа предопределена тем, как они воспринимают ход истории. Образ героя времени в «Докторе Живаго» воплощается в двух ипостасях: как человека, обретающего духовную свободу через сопричастность общему потоку жизни (Живаго, Лара), и как человека, реализующего свою волю в преодолении-отрицании хода событий (Антипов-Стрельников, Комаровский и т.д.). В этой полярной системе свободы и насилия видится сама история и революция – событие, которому даётся именно нравственная переоценка.

История для Пастернака – трагедия испытания воли к бессмертию. Конечно, бессмертие неразрывно связано с идеей жизни, а следовательно, с идеей всеединства, которое заключается во всеобщей связи людей, событий, времён: «Всё время одна и та же необъятно тождественная жизнь наполняет вселенную и ежечасно обновляется в неисчислимых сочетаниях превращениях»¹. Бессмертие открывается в *здесь* и *сейчас* конкретной жизни. Но Пастернак выстраивает своё понимание бессмертия в ценностных, аксиологических координатах, а потому возникает двойственность в трактовке этого понятия. Есть «пассивное», несозидательное, онтологическое бессмертие: человек бессмертен уже потому, что он принадлежит жизни, процессу круговорота существований. Но поэт актуализирует другой, деятельный образ – бессмертие как служение, жертвенность, активное проявление воли человека в соответствии с духовной перспективой жизни. Именно в этом представлении особую значимость приобретает история как концентрация личных устремлений к бессмертию духовного подвига.

Во втором параграфе «Стремление к свободе как содержание истории и личного существования» рассматривается антитеза истинной и ложной свободы. Данное концептуальное противопоставление объясняет, почему устремления к личной или всеобщей свободе приводят одних героев к уничтожению, а других — к бессмертию. Выбор насилия (Антипов-Стрельников, Комаровский и др.) или подмена дела словом (Веденяпин) убирают с пути истории сильных и неординарных людей. Истинная свобода в представлении Пастернака тесно связана с понятием жертвенности. Жизнь как жертва и свободное избрание этого пути является условием плодотворного бессмертия. Важно не просто осознать свою причастность к жизни и её

¹ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Б. Л. Пастернак Полн. собр. соч. : в 11 т. – М., 2004. – Т. 4. – С. 69.

бесконечному проявлению, но и собственной волей «усилить» этот момент, как сделали это лейтенант Шмидт, Юрий Живаго, а также Гамлет и Христос (из стихотворений к роману). Жертва озаряет светом бессмертия не только человека, идущего на этот шаг, но и других людей. Жертвенность обостряет осознание бессмертия, придавая жизни особый высокий смысл. Эта мысль заключена в «Стихотворениях Юрия Живаго», именно поэтому данному циклу, включенному в сам роман, уделяется особое внимание. Стихи делают роман Пастернака «вещим», так как возвещают о свободе существования во времени.

Третий параграф «Целостность книги как воплощение бессмертия» представляет собой анализ стихотворений Юрия Живаго в идейном, композиционном, тематическом сопоставлении с прозаической частью романа. Структурно-художественное построение книги в целом отражает идею всеединства в философии жизни поэта: сочетание прозы и поэзии в романе, наслоение исторического времени, лирического времени, сюжетных линий, природных образов и т.д.

Весь цикл стихотворений олицетворяет процесс исполнения человеческого призвания и долга (Гамлета - перед отцом, Христа - перед человечеством, Живаго – перед творчеством и любовью). Это живая трагедия выбора жизненного пути, о чём заявлено уже в первом стихотворении «Гамлет». Мысль эта проходит через весь цикл до вершины – «Гефсиманского сада». Соотнесение Юрия Живаго в лице лирического героя его стихотворений с Гамлетом и Христом является доказательством композиционной целостности романа (стихов и прозы). Прозаический и стихотворный тексты вмещают жизнь главного героя, основные моменты жизни Христа (в евангельских стихах) и жизнь лирического героя стихотворений. Все эти сюжетные линии объединены «цикличностью» существования: смерть Живаго и продолжение жизни после смерти в его стихах; страсти, распятие Христа и воскресение; годичный цикл жизни лирического героя как образ возрождения жизни (весна – лето – осень – зима – новая весна). Так, идейно и композиционно утверждается целостность прозаической части романа и стихов к нему, сосуществующих по принципу дополнительности. Строение романа – воплощение идеи бессмертия как всеединства.

В четвертом параграфе «Синтез христианского сознания и философии жизни» рассматривается мировоззрение Пастернака с точки зрения соединения ФЖ и христианства. Поэт переосмысливает идеи христианства в свете ФЖ и превращает их в самобытную форму поэтического миропонимания. В отличие от христианских канонов, первосущностью, основой всего у Пастернака является не Бог, а Жизнь. Бог — это высшее проявление её воли, абсолютное

воплощение её созидательных сил. Акцентируется ипостась Бога как Творца, но творение предстаёт не как космогония, а как ремесло, одухотворённый труд: «Какое счастье работать на себя и семью с зари до зари, сооружать кров, возделывать землю в заботе о пропитании, создавать свой мир, подобно Робинзону, подражая Творцу в сотворении вселенной, вслед за родной матерью производя себя вновь и вновь на свет!» Такое понимание божественной сущности приближает Бога к человеку гораздо больше, нежели религия. Богу может быть соразмерен человек-художник, отдающий себя жизни и творчеству.

В отличие от религиозных представлений, духовность у Пастернака «витальна», то есть жизненна, а потому ощутима. Даже Преображение дано не абстрактно и умозрительно, а конкретно: «В такие минуты точно и он [Юрий Живаго. – Ю.Б./ пропускал сквозь себя эти столбы света. Точно дар живого духа потоком входил в его грудь, пересекал всё его существо и парой крыльев выходил из-под лопаток наружу»². Духовное в понимании Пастернака тесно связано с телесным, физическим, которое не может быть греховным, поскольку это тоже жизнь в самых ощутимых для человека формах. Не познав их, невозможно подняться выше. Христианское чувство любви к ближнему окрашивается чувственным, порой даже эротическим, подтекстом (как в стихотворениях «Магдалина I» и «Магдалина II»). Для Пастернака (и его литературного героя) духовно-возвышенное и чувственно-телесное составляют единство, через которое и открывается мир. В философии жизни Пастернака нет понятия греха в христианском значении, нет праведников и грешников. Поэтому и главный герой романа далёк от воплощённого идеала человека, живущего по христианским заповедям. Акцентируется человекобожеское, а не богочеловеческое начало.

В итоге главы отмечается, что мировосприятие Пастернака в позднем творчестве, как и ранее, исходит из понятия жизни, что доказывает преемственность его философско-художественных идей. Но эволюция мысли всё же произошла: концепция времени расслоилась на представления об искаженной социальной истории и её вневременном духовном подтексте; идея жизни синтезировалась с христианским мировоззрением, преодолев его канонические установки. «Религия» поэта более приближена к человеку и существующей в переживаемый момент жизни. Бог для него становится идеалом Творца, созданным самой жизнью; Христос – идеалом Человека, жизненному выбору; бессмертие преданного идеалом творческого приобщения ко всеобщему существованию.

¹ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Б. Л. Пастернак Полн. собр. соч. : в 11 т. – М., 2004. – Т. 4. – С. 276.

В Заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, намечаются перспективы развития темы.

Философское мировоззрение Б. Пастернака, нашедшее выражение в его творчестве, характеризуется целостностью, хотя и претерпевало определённые изменения и трансформации в ходе своего развития. Цельность мировоззрения поэта основывается на следовании особому духовно-интеллектуальному переживанию-познанию, которое открывает поэту со-бытие мироздания, природы, истории и личности в перспективе творческого развития. Философия жизни Б. Пастернака — это формула системного единства его творчества, как во внутренней, идейной эволюции, так и в образно-текстовой преемственности. Стержнем единства стала идея жизни, развивавшаяся в европейских концепциях ФЖ. Но философия жизни Б. Пастернака — самобытная, не заимствованная система, это поэтическое осознание витального начала.

Системный философский взгляд на действительность и особое внимание к осмыслению единой всеобщей жизни у Пастернака – следствие его «причастности» определённому культурно-историческому контексту. Принцип жизни, выявляющийся у Пастернака на всеединства всех онтологическом, гносеологическом, аксиологическом, историософском, творческом - позволяет также вписать его концепцию в типологический ряд русской философии всеединства. Это соотнесение основывается на аналогии, но не совпадении. Всеединство Пастернака – выражение философии «здешней» жизни в её напряжённом, экстатическом, а потому и трагическом бытийном переживании.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

- 1. Брюханова, Ю. М. Концептуализация лирического субъекта в творчестве Б. Пастернака [Текст] / Ю. М. Брюханова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер. Филология. 2008. Вып. 10. С. 182–185.
- 2. Брюханова, Ю. М. Б. Пастернак и А. Шопенгауэр: проблема бессмертия в свете философии жизни [Текст] / Ю. М. Брюханова // Вестн. Иркутского гос. лингвист. ун-та. Сер. Филология. 2008. № 4. С. 61–65.
- 3. Брюханова, Ю. М. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» и стихотворения к роману. Вопрос целостности [Текст] / Ю. М. Брюханова // Вестн. Иркут. ун-та. 2006. Спец. вып. : Материалы ежегодной научно-теоретич. конф. молодых ученых. С. 197—198.

- 4. Брюханова, Ю. М. Философско-поэтическое осмысление революции в поэме Б. Пастернака «Девятьсот пятый год» [Текст] / Ю. М. Брюханова // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. / под. ред. Ю. И. Минералова и О. Ю. Юрьевой. М.; Иркутск, 2007. Вып. 15. С. 84–96.
- 5. Брюханова, Ю. М. Б. Пастернак и Ф. Ницше: концепция истории в свете философии жизни [Текст] / Ю. М. Брюханова // Литературоведение: материалы XLVI Междунар. науч. конф. «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 26–30 апр. 2008 г. Новосибирск, 2008. С. 37–39.
- 6. Брюханова, Ю. М. Философия жизни в книге Б. Пастернака «Сестра моя жизнь. Лето 1917 года» [Текст] / Ю. М. Брюханова // Литера : вестн. фак. филологии и журналистики Иркут. гос. ун-та. 2008. Вып. 3. С. 26–34.
- 7. Брюханова, Ю. М. Метафора как модель мышления в начале и в конце XX века (Борис Пастернак и Александр Ерёменко) [Текст] / Ю. М. Брюханова // Современность в зеркале рефлексии: язык культура образование : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию Иркут. гос. ун-та и фак. филологии и журналистики. Иркутск, 6–9 окт. 2008 г. Иркутск, 2009. С. 469–478.
- 8. Брюханова, Ю. М. Б. Пастернак и А. Бергсон: точки притяжения и отталкивания [Текст] / Ю. М. Брюханова // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенковские чтения : материалы III Междунар. конф. Москва, 24–25 окт. 2008 г. М., 2009. С. 213–219.
- 9. Брюханова, Ю. М. Идеи Ф. Ницше и художественная философия Б. Пастернака [Текст] / Ю. М. Брюханова // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю. И. Минералова, О. Ю. Юрьевой. М. ; Иркутск, 2009. Вып. 21. С. 150-163.
- 10.Brjuchanova, J. Die Lebensphilosophie Henri Bergsons in der Wahrnehmung Boris Pasternaks [Τεκcτ] / J. Brjuchanova // Junge Slavistik im Dialog: beitr. zur IV Slavistischen Studentenkonferenz. Deutschland, Kiel, 23.01.2009. Hamburg, 2009. S. 39–49.